

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОВЕРШЕННОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ В ИДЕОЛОГИИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1775–1783 ГГ.

© Александра Николаевна НИКОЛАЕВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра всеобщей истории,
e-mail: alexandra.nik@mail.ru

Рассмотрены представления о совершенном государстве и механизмах его функционирования в идеологии патриотического движения в североамериканских колониях накануне и в период Войны за независимость. Указано на особое место, которое занимали размышления о природе власти и ее значении в обществе, об отношениях между властью и свободой в американском Просвещении. Выявлено, что формирование государственной мысли вигов происходило под влиянием усвоения исторического опыта республик и монархий предшествующих эпох, открытий в естественных науках, изменивших мировоззрение людей эпохи Просвещения, а самое главное – динамичного процесса модернизации, охватившего в 1775–1783 гг. социально-политическую сферу колониального общества. Сделан вывод о том, что в представлении отцов-основателей совершенное государство, основанное на принципах законности, представительства и разделения властей, являлось не только политическим, но и нравственным феноменом, способным сдерживать пороки и вести человечество к состоянию добродетели, согласия и гармонии.

Ключевые слова: патриотическое движение; виги; идеология патриотического движения; государство; власть; законность; представительство; разделение властей.

В одном из самых ярких публицистических произведений периода Войны за независимость памфлете «Здравый смысл» Томас Пейн назвал государство «злом», порожденным слабостью и пороками человека («Правительство, подобно одеждам, означает утраченное целомудрие... Ведь если бы веления совести были ясны, определены и беспрекословно выполнялись, то человек не нуждался бы ни в каком ином законодателе; но раз это не так, человек вынужден отказаться от части своей собственности, чтобы обеспечить средства защиты всего остального, и сделать он это вынужден из того же благоразумия, которое во всех других случаях подсказывает ему выбирать из двух зол наименьшее» [1, с. 22]). По утверждению Б. Бейлина, для всего поколения отцов-основателей США понятие власти было синонимом господства, подчинения, принуждения и насилия, о ней писали как о хищнике, пожирающем все вокруг, указывали на ее природную алчность, ненасытность и жестокость [2, с. 45–46]. Естественной жертвой для власти-хищника в обществе становится свобода: первая наделена силой, неутомимостью и беззащитностью, вторая отличается слабостью и хрупкостью; первой надлежало противостать, вторую – оборонять от первой и ни в коем случае не смешивать их.

Примеры как правильного, так и извращенного взаимодействия правительства с обществом лидеры патриотического движения находили в истории (в числе правильных форм государственного устройства отцы-основатели называли афинскую демократию, древнеримскую республику, англо-саксонские монархии раннего средневековья, среди извращенных – древневосточные деспотии, норманнское правление в Англии, современные им Францию, Турцию и Россию). Североамериканская просвещенная элита относилась к истории с особым пиететом, находя в ней и практическую пользу, и эстетическое удовольствие. В этом колонисты следовали за своим учителем Локком, называвшим историческую науку «великой наставницей» государственных деятелей по части знаний в деле правления и рассудительности. Воспитательную ценность истории лидеры патриотического движения считали безграничной. Бенджамин Франклин полагал, что «хорошая история» способна правильно организовать формирующееся сознание юношей, прививая им понимание красоты и добродетели [3, v. 3, p. 412], а Джон Адамс и Томас Джефферсон видели в истории науку, необходимую для каждого американского политика [4, v. 1, p. 29; 5, v. 9, p. 72].

Особой притягательностью для отцов-основателей Соединенных Штатов Америки

обладала античная история. Учитывая особенности образования представителей колониальной элиты, это было неудивительно. Уже в грамматических школах мальчики из состоятельных семей читали в оригинале «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, поэтические произведения Вергилия и Горация, исторические труды Ксенофонта и Плутарха, речи Демосфена и Цицерона; на более высоких образовательных ступенях они переходили к философии Аристотеля, математике Евклида, географии Птолемея. Усиленное изучение в школах, колледжах, университетах языков, законодательных кодексов, произведений искусства и литературы Древней Греции и Рима прививало им со временем настоящую любовь к классическому наследию и способствовало восприятию поэтов, писателей, полководцев и государственных деятелей этих стран, по выражению К. Ричарда, как «старых добрых друзей» [6, р. 12-13]. Хорошее знание античной культуры, античной системы кодов и символов позволяло деятелям Войны за независимость творчески интегрировать разнообразные поведенческие модели классического мира в свою практику (например, литературные псевдонимы в древнегреческом и древнеримском стиле, которые изобретали для себя американские журналисты, а затем – члены федералистской и республиканской группировок; дизайн памятников революции в стиле греческих скульптур и постройка зданий, украшенных колоннами дорического ордена; «полития» Аристотеля, сочетавшая в себе лучшие элементы демократической, монархической и олигархической власти, была источником размышлений Джона Адамса и Александра Гамильтона о «смешанном правлении» (*mixed government*)).

Еще одним выдающимся историческим примером для отцов-основателей стал древний Карфаген, пусть и не создавший столь великой, как Греция и Рим, культуры, но достигший невероятного для своего времени экономического процветания [7]. Большая привлекательность Карфагена для просвещенных американцев обуславливалась тем, что он представлял собой образец формирования могущественной державы на базе бывшей колонии, созданной в IX в. до н. э. финикийскими моряками и со временем достигшей независимости и неограниченного контроля над всем средиземноморским бассейном (ср.: английские переселенцы, осно-

вавшие колонии в Северной Америке). История Карфагена, богатого, преуспевавшего в науках и ремеслах, наслаждавшегося плодами демократического умеренного правления и, в конце концов, разрушенного алчными римлянами, казалась и эталонной, и поучительной для образованной колониальной элиты в период ее сначала идеологической, а затем вооруженной борьбы с британской метрополией. В трактате “*Novanglus*” Джон Адамс откровенно сравнивал Англию, пославшую генерала Гейджа усмирять бостонскую оппозицию, с Римской империей, легионеры которой подняли на своих щитах слоган Катона Старшего *Carthago delenda est* («Карфаген должен быть разрушен») [8, р. 67].

Другой сферой интересов деятелей Войны за независимость была история Англии в ее вигской интерпретации, возводившей появление парламента к временам Эдуарда Исповедника и создавшей идеализированную версию англо-саксонской демократии до норманнского нашествия, которое лишило коренное население Британских островов их свободы и установило тиранию короля-чужеземца и лендлордов [9, р. 5]. Самым значительным событием в средневековой истории Англии после ее завоевания Вильгельмом I вигская историография называла подписание «Великой хартии вольностей» (*Magna Charta*) Иоанном Безземельным – документа, законодательно подтвердившего прирожденные и неотчуждаемые права британцев, возобновившего «священный» контракт, заключенный между англо-саксонскими королями и народом [9, р. 38-39]. Книги Э. Кока, У. Этвуда, Г. Спелмана, А. Сидни и других историков-вигов периода правления Карла II, а также более поздних авторов этого направления – Дж. Тренчарда, Т. Гордона, У. Мойла, Р. Молсворта – занимали важное место в библиотеках лучших американских учебных заведений (Гарварда, Йеля, Принстона, Нью-Джерси) и личных библиотеках представителей колониальной элиты, воспитанных и образованных в духе настоящих англичан.

Интерес, который лидеры патриотического движения испытывали к математике, физике и другим естественным наукам, также во многом обусловил особенности их политической идеологии. Как замечает Р. Страйнер, для большинства отцов-основателей накануне Войны за независимость было характерно понимание общества в духе

ньютоновской космической парадигмы как механизма, правильно построенного по законам природы и способного безупречно работать без лишнего вмешательства человека, который обязан выполнять функции наблюдателя и надзирателя [10, p. 585]. По мнению Джона Адамса, государству и всем его институтам, например, армии, присущи черты часового механизма, машины, управляемой принципами и максимами, а не интересами людей [11, v. 9, p. 376]. Попытка же одной личности или органа власти перетянуть большую часть политического влияния на себя может только привести к катастрофическим последствиям. Ведь люди, как писал Адамс в эссе 1763 г., в отличие от природы и Бога, склонны к страстям и самообману, и «даже величайшие гении» в целом намного чаще прислушиваются к голосу собственных страстей, нежели разума [11, v. 3, p. 435]. Вера американской просвещенной элиты в возможность безграничного совершенствования политических институтов, с одной стороны, и ее глубокий скептицизм по отношению к нравственному облику человека – с другой привели к формированию теории «сдержек и противовесов» (*counterpoise theory*), впоследствии наиболее полно сформулированной Джеймсом Мэдисоном в политических эссе «Федералиста».

Однако в момент революционного кризиса – Войны за независимость в североамериканских колониях 1775–1783 гг., в период динамичной модернизации общества законы механики и политические теории, созданные в обществах традиционных, иерархических, несвободных, оказывались часто бесполезными. «Виргинская декларация прав» Джорджа Мейсона от 12 июня 1776 г. (ее первый параграф был впоследствии заимствован Джефферсоном в «Декларации независимости») провозглашала равенство всех американцев, отменяла дворянские титулы и сословные различия. В документе утверждалось, что «ни один человек или группа людей не может наделяться исключительными или особыми привилегиями и наградами от своего сообщества, но только вознаграждением за общественные заслуги, которое не передается по наследству...» [12]. Таким образом, на смену подданному приходил гражданин¹,

¹ Историк и современник Войны за независимость Дэвид Рамсей проводил такое сравнение этих двух категорий и делал вывод, что между подданными и гражданами «огромное различие. Понятие «поддан-

а для социума свободных и равноправных граждан требовалась разработка новой концепции государственной власти, основанной уже не на божественной прерогативе короля и патриархальной связи между патроном и клиентом, феодалом и крестьянином, а на принципах законности и народного суверенитета. По словам Г.С. Вуда, в период Войны за независимость институт государственной власти в Северной Америке утратил частный, «придворный» характер и окончательно обрел черты автономной и публичной по своей сути сферы [13, p. 187].

Еще одним процессом, серьезно трансформировавшим функционирование политической системы в период Войны за независимость, была демократизация, которая происходила в двух направлениях: с одной стороны, простые американцы стали принимать участие в работе законодательных и исполнительных органов власти штатов, с другой – политическая мысль все чаще стала обращаться к вопросам народовластия. Джексон Тернер Мэйн, пристально изучавший состав легислатур колониальной и революционной Америки, пришел к выводу о радикальном изменении социально-экономического положения их депутатов в 1765–1786 гг. [14]. Если в 1765 г. в нижней палате ассамблеи Нью-Хэмпшира небогатые свободные фермеры и ремесленники занимали 1/3 мест, в ассамблее Нью-Йорка их была 1/4 часть, а в ассамблеях Виргинии и Мэриленда – 1/6, то в конце 1770-х – 1780-х гг. в этих законодательных собраниях доля депутатов низкого происхождения стала составлять, соответственно, 70, 42, 33 и 26 %. Таким образом, политическая активность охватывала все более широкие круги североамериканского общества, а голос представителей нового «среднего класса», ранее лишенных доступа к власти, – все больше доминировал в принятии решений на федеральном и региональном уровнях. Однако далеко не все представители политической элиты были довольны подобной демократизацией государственного устройства. Например, один из наиболее активных деятелей патриотического движения на его на-

ный» произошло от латинских слов *sub* и *jasio* и обозначает человека, находящегося под властью другого, но «гражданином» можно назвать только свободного человека... Подданные смотрят с почтением на господина, а граждане равны друг другу, и ни один не обладает наследственными правами, превосходящими права других» [15].

чальном этапе Джон Дикинсон жаловался, «что некогда простой народ уважал и повиновался своим губернаторам, сенаторам, судьям и духовенству, ...а теперь люди, обладающие собственностью и здравым смыслом, потеряли значительную часть своего влияния из-за подъема народного духа во время войны» [16, p. 23].

Каковы же были механизмы функционирования институтов власти в революционной Америке? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к публицистике, созданной в период Войны за независимость, а также проектам конституций штатов, сыгравшим особую роль в развитии политической мысли патриотического движения. По замечанию В.В. Согрина, в конце 1770-х гг. североамериканские колонии охватил настоящий «конституционный бум»: «Ведение войны было вверено Вашингтону и его армии, большинство же политических умов всецело занялись написанием и реализацией всевозможных конституционных проектов» [17, с. 40]. «Сейчас это [создание проектов конституции. – А. Н.], по сути, самое увлекательное занятие, которому желает посвятить себя каждый гражданин, – замечал Томас Джефферсон, сам создавший три проекта конституции для родной Виргинии. – В нем смысл нашей борьбы. Если у нас утвердятся плохое правительство, то это будет означать, что вполне можно было жить в согласии с дурным правлением, навязываемым из-за океана, не подвергая себя ненужному риску и не принося жертв на полях сражений» [18, v. 1, p. 292]. По преимуществу усилия американской просвещенной элиты были сосредоточены на политическом переустройстве отдельных штатов, но в то же время каждый штат в миниатюре становился воплощением представлений вигов об идеальном государстве.

Главным из принципов, на которых, по мнению лидеров патриотического движения, должно было зиждиться управление государством, было верховенство закона (*the rule of law*). Концепт верховенства закона был унаследован североамериканской просвещенной элитой из Англии начала XVIII в., где он обозначал ограничение на законодательном уровне государственной власти для обеспечения прав и свобод граждан (как замечал английский просветитель и журналист Томас Гордон, «свободное правительство защищает свободы людей при помощи узаконенных

правил» [19, v. 2, p. 249]). Американской политической мысли накануне Войны за независимость было также присуще понимание тесной связи между свободой и правом: отцы-основатели называли свободу «ребенком закона», способным вырасти исключительно под его укрытием и защитой; право они характеризовали как почву и «важнейшее основание» для настоящей свободы, а обязанность каждого свободного гражданина видели в верном служении закону. Из концепта верховенства закона проистекало и особое, почти восторженное отношение образованных американцев к конституции – основному, фундаментальному закону и «верховному разуму» государства, защищающему свободу слова, совести, собраний, неприкосновенность личности и другие прирожденные права человека. Но чтобы закон стал фундаментальным, ему необходимо обладать тремя важнейшими качествами: находиться в согласии с природой, пользоваться уважением всего населения страны и не зависеть от прихоти законодателя [20, p. 62-63].

Власть неограниченная и, соответственно, незаконная по своему характеру (*arbitrary power*) являлась, по мнению американских вигов, главным врагом свободы [21]. «Ни одна страна не может называться свободной, – утверждал анонимный автор памфлета «Четыре письма на интересные темы» (*Four Letters on Interesting Subjects*), написанного в 1776 г., – если она управляется абсолютной властью; и не имеет никакого значения, принадлежит ли эта власть королю или законодательному собранию, т. к. последствия деспотизма для народа будут и в том, и в другом случае одинаковы» [22, v. 1, p. 385]. Без конституционной опоры государство постепенно утрачивает связь с прошлым, с традицией, забывая о первостепенной цели своего существования – сохранении прав и свобод граждан. Вместо разума и добродетели им начинают управлять прихоти и безмерные амбиции властных кругов, и оно становится тираническим, несправедливым. Таким образом, наиболее уязвимым положение народа по отношению к власти оказывалось в абсолютной монархии, вместе с тем тиранами самого худшего сорта в представлении отцов-основателей могли быть не только короли. «Вы ошибаетесь, когда ограничиваете незаконную власть монархией, – спорил со своим идейным оппонентом С. Сибири в памфлете 1775 г. Александр Га-

мильтон. – Не верховная власть, находящаяся в руках одного, а не многих, извращает свободное правительство до состояния тирании. Когда люди управляются законами, в создании которых они не принимали никакого участия, ...они являются рабами в самом строгом смысле слова, а правительство – соответственно, деспотическим» [23]. Не меньше произвола короля деятели Американской революции боялись произвола парламента и для того, чтобы избежать его, при составлении собственных государственных проектов обращались к популярной в то время теории разделения властей.

Теория разделения властей (*separation of powers*) впервые появилась в английской политической науке в период революции 1640–1660 гг., в дальнейшем она разрабатывалась Дж. Локком, У. Блэкстоном, а наиболее полно была изложена французским просветителем Ш.-Л. Монтескье, писавшим в трактате «О духе законов» о необходимости такого «порядка вещей», при котором не было бы возможности злоупотреблять властью и «различные власти могли бы сдерживать друг друга» [24, с. 137]. Подобно Монтескье и английским мыслителям раннего Просвещения, в разделении властей и ответственности каждой из них перед суверенным народом отцы-основатели видели один из немногих способов защиты интересов этого народа, охранения «хрупкой свободы» от тиранических наклонностей правителей, организации эффективной властной системы и обеспечения абсолютного следования администраторов закону. По мнению Джона Адамса, «законодательная, исполнительная и судебная власть составляют единое целое, под которым мы понимаем то, что называют правительством. Только уравновешивая каждую из этих ветвей власти с двумя другими, можно обуздать склонность человеческой природы к тирании и сохранить в конституции какую бы то ни было степень свободы» [11, v. 4, p. 186].

Следует заметить, что если на ранних этапах развития патриотического движения в североамериканских колониях наиболее сбалансированной формой государственного устройства считалась ограниченная монархия по английскому образцу, то к 1776 г. многие отцы-основатели пришли к выводу о слабости английской конституции и неадекватности правления, в котором ведущую роль играет королевская прерогатива, потребностям современного общества. «Бес-

спорно, она [конституция. – А. Н.] являла собой нечто благородное в те мрачные времена рабства, когда была создана, – саркастически замечал Т. Пейн в «Здравом смысле». – Когда тирания правила миром, малейшее отступление от нее было уже замечательным освобождением. Легко, однако, показать, что конституция эта несовершенна, подвержена потрясениям и неспособна дать, что как будто бы обещает» [1, с. 24]. Причину этого несовершенства мыслитель видел в смешении порочных остатков «двух древних тираний» – монархии в лице короля и аристократии в лице Палаты лордов – с новым республиканским элементом (Палата общин), от которого единственно зависит свобода Англии («монархия отравила республику, а корона поглотила палату общин» [1, с. 34]).

В памфлете «Размышления о правительстве» (*Thoughts on Government*) более консервативно настроенный по сравнению с Пейном Джон Адамс называет республику – «империю законов, а не людей» – наилучшей формой правления, единственно способной помочь в достижении свободы, комфорта, безопасности и, в целом, счастья наибольшему количеству народа в наибольшей степени [8, p. 483-484]. Законодательная власть в такой республике должна принадлежать ассамблее, представляющей в миниатюре все население страны и разделенной на две палаты, исполнительная – ежегодно избираемому губернатору, судебная – пожизненно назначаемым судьям из числа наиболее образованных, рассудительных и высокоморальных членов общества. В американской политической мысли XVIII столетия Адамс был одним из главных сторонников бикамерализма, считая, что однопалатные легислатуры от природы «подвержены всем слабостям, прихотям и порокам, свойственным человеку; подчинены капризам, приступам воодушевления, несправедливостям или предрассудкам и, следовательно, склонны к необдуманным поступкам и нелепым суждениям» [8, p. 485]. Как и многие другие деятели патриотического движения, Адамс акцентировал внимание, прежде всего, на нравственной стороне государственного строительства. В его представлении создание и поддержание существования истинной республики в наибольшей степени зависело от того, насколько присущи ее правителям такие качества, как скромность, милосердие и добродетель, насколько они сумели подавить в себе эгоизм и

любовь к роскоши, насколько они готовы подчинить свои личные желания стремлению к всеобщему благу.

Стремление лидеров патриотического движения ограничить возможный произвол и деспотизм государства наиболее ярко отразилось в конституциях штатов Конфедерации, принятых колониальными legislatures в период Войны за независимость. В одной из статей Конституции Виргинии, утвержденной 29 июня 1776 г., говорилось, что «законодательная, исполнительная и судебная власть должны быть автономны и отделены друг от друга, чтобы, таким образом, ни одна из них не пользовалась властью, принадлежащей, по сути, другой ветви власти» [25]. Законодательная власть вручалась Генеральной Ассамблее штата, состоящей из двух палат – сената (*Senate*) и палаты депутатов (*House of Delegates*). Палата депутатов состояла из двух представителей от всех графств, избравшихся ежегодно свободными совершеннолетними гражданами, владевшими 100 акров необжитой земли или земельным участком в 25 акров с домом на нем. Сенат состоял из 24 членов, избравшихся раз в четыре года специально созданными округами. Закон мог вступить в силу только после одобрения обеих палат. Палаты назначали также губернатора и совет, судей высших судов, аудиторов, генерального прокурора, казначея, регистратора земельной конторы и делегатов в конгресс [26, с. 195]. Губернатор – глава исполнительной власти – избирался на три года и по Конституции лишался возможности изменять законы штата, а также в случае несогласия воздействовать силовыми методами на ассамблею – ни прерывать сессию legislatures, ни распускать ее права он не имел. Таким образом, виргинские законодатели отказались от разработанной Монтескье системы «сдержек и противовесов» властей (эта система казалась им монархической и устаревшей). В «Заметках о штате Виргиния» Джефферсон критиковал государственное устройство своей родины (по Конституции 1776 г.) за то, что три ветви власти сходятся в одном органе – законодательной ассамблее, что со временем может привести ее к деспотизму нового рода – «выборному деспотизму» [26, с. 196].

Важным принципом функционирования институтов власти, по мнению лидеров патриотического движения, было представительство (*representation*). Проблема предста-

вительства североамериканского населения во властных структурах штатов Конфедерации встала в период Войны за независимость особенно остро в результате упразднения старой корпоративной системы распределения депутатов. При помощи этой системы колониальные legislatures определяли количество депутатов, которые отправлялись в законодательные ассамблеи из графств, городов и приходов страны. По мнению американской исследовательницы Р. Загарри, корпоративная система представительства во многом являлась отражением особенностей ментальности человека Раннего Нового времени, сохранявшего, несмотря на развитие индивидуалистических установок, ориентацию на традиционные общинные ценности [27, р. 38]. Она позволяла сохранять власть в руках элитарных состоятельных кругов, большая часть которых была сосредоточена в старых и богатых регионах, часто имевших преимущества в количестве депутатов перед новыми регионами, и поддерживалась распространенной в Англии XVIII столетия теорией представительства, основанного на собственности. Политическая элита североамериканских колоний поддерживала позицию английского консервативного мыслителя Э. Берка, что собственность – главное из прирожденных прав человека – не может быть достаточно защищена, пока люди, обладающие ею, не будут доминировать в законодательных органах государства [28]. Недостаток же корпоративной системы заключался в том, что ею было легко манипулировать в интересах определенных групп, приближенных к власти. Кроме того, значительная часть населения колоний вообще не была представлена в legislatures Северной Америки.

Вера отцов-основателей в то, что все люди созданы равными, отразилась в положениях разработанных ими конституций штатов о равном и пропорциональном представительстве. Так, Конституция Пенсильвании 1776 г. провозглашала, что «представительство, пропорциональное числу налогооблагаемых жителей, является единственным принципом, способным во все времена сохранить свободу и превратить голос большинства народа в закон для всей страны» [29]. Согласно принципу пропорционального представительства, количество депутатов, отправляемых в legislatures, напрямую зависело от численности населения конкретно-

го региона страны. В 1-й главе Конституции Массачусетса 1780 г. утверждалось, что для представления в законодательной ассамблее штата «жителей Конфедерации каждый город, имеющий 150 граждан, обладающих правом голоса, может выбрать одного представителя; каждый город, имеющий 375 граждан, обладающих правом голоса, может выбрать двух представителей; каждый город, имеющий 600 граждан, обладающих правом голоса, может выбрать трех представителей; и далее на каждые 225 голосов по одному дополнительному представителю» [30]. Пропорциональное представительство граждан в нижних палатах законодательных органов власти было также провозглашено в конституциях Нью-Хэмпшира, Нью-Йорка, Нью-Джерси и Северной Каролины. Таким образом, в период Войны за независимость на смену средневековому принципу корпоративного представительства стал приходиться нововременный принцип индивидуального представительства.

Подводя итог, мы не можем не указать на особое место, которое занимали размышления о природе власти и ее значении в обществе, об отношениях между властью и свободой в идеологии патриотического движения в североамериканских колониях накануне и в период Войны за независимость. Формирование государственной мысли американских вигов происходило под влиянием усвоения исторического опыта республик и монархий предшествующих эпох, открытий в естественных науках, изменивших мировоззрение людей эпохи Просвещения, а самое главное – динамичного процесса модернизации, охватившего в 1775–1783 гг. социально-политическую сферу колониального общества. В представлениях отцов-основателей совершенное государство, основанное на принципах законности, представительства и разделения властей, являлось не только политическим, но и нравственным феноменом, способным сдерживать пороки и вести человечество к состоянию добродетели, согласия и гармонии.

-
1. *Пейн Т.* Избранные сочинения / под ред. М.П. Баскина. М., 1959.
 2. *Бейлин Б.* Идеологические истоки Американской революции. М., 2010.
 3. *Franklin B.* The papers of Benjamin Franklin. 21 vols. New Haven, 1960–1976.

4. *Warren-Adams Letters* / ed. by W.C. Ford. 2 vols. Boston, 1917–1925.
5. *Jefferson T.* The writings of Thomas Jefferson. 3-rd ed. 10 vols. N. Y., 1892–1899.
6. *Richard C.J.* The Founders and the Classics: Greece, Rome and the American Enlightenment. Boston, 1995.
7. *Winterer C.* Model Empire, Lost City: Ancient Carthage and the Science of Politics in Revolutionary // *The William and Mary Quarterly*. 2010. V. 67. № 1. P. 3–30.
8. *Adams J.* The political writings of John Adams / ed. by J.W. Carey. Washington, 2000.
9. *Colbourn T.* The Lamp of Experience. Indianapolis, 1998.
10. *Striner R.* Political Newtonianism: The Cosmic Model of Politics in Europe and America // *The William and Mary Quarterly*. 1995. V. 52. № 4. P. 583–608.
11. *Adams J.* The Works of John Adams. Boston, 1850–1856.
12. The Virginia Declaration of Rights. URL: http://www.archives.gov/exhibits/charters/virginia_declaration_of_rights.html (accessed: 12.11.2013).
13. *Wood G.S.* The Radicalism of the American Revolution. N. Y., 1992.
14. *Main J.T.* Government by the People: The American Revolution and the Democratization of the Legislatures // *The William and Mary Quarterly*. 1966. V. 23. № 3. P. 391–407.
15. *Ramsay D.* A Dissertation on the Manner of Acquiring the Character and Privileges of a Citizen of the United States. 1789. URL: <http://ru.scribd.com/doc/36590701/Ramsay-1789-Dissertation-on-Citizenship> (accessed: 12.11.2013).
16. *Reichley J.* The Life of the Parties: A History of American Political Parties. N. Y., 1992.
17. *Согрин В.В.* Политическая история США. XVII–XX вв. М., 2001.
18. *Jefferson T.* The Papers of Thomas Jefferson. 40 vols. Princeton, 2006.
19. *Trenchard J., Gordon T.* Cato's letters: or, Essays on Liberty, Civil and Religious, and other Important Subjects: in 4 vols. L., 1955.
20. *Reid J.P.* The Concept of Liberty in the Age of American Revolution. Chicago, 1988.
21. *Reid J.P.* In Legitimate Strips: The Concept of “Arbitrary”, the Supremacy of Parliament, and the Coming of the American Revolution // *Hofstra Law Review*. 1977. V. 5. № 3. P. 459–499.
22. *American Political Writings during the Founding Era, 1760–1805* / ed. by C.S. Hyneman, D.S. Lutz. 2 vols. Indianapolis, 1983.
23. *Hamilton A.* The Farmer Refuted, or A More Impartial and Comprehensive View of the Dispute between Great-Britain and the Colonies, Intended as a Further Vindication of the Congress // *The Papers of Alexander Hamilton: The Digital Edition*. URL: <http://rotunda.upress.virginia.edu/founders/default.xqy?keys=ARHN-print->

- 01-01-02-0057&mode=deref (accessed: 12.11.2013).
24. *Монтескье Ш.-Л.* О духе законов. М., 1999.
 25. Constitution of Virginia. 1776. URL: <http://www.nhinet.org/ccs/docs/ma-1776.htm> (accessed: 12.11.2013).
 26. *Джефферсон Т.* Автобиография. Заметки о штате Виргиния / сост. и общ. ред. А.А. Фурсенко. Л., 1990.
 27. *Zagarry R.* The Politics of Size: Representation in the United States, 1776–1850. N. Y., 1987.
 28. *Burke E.* Reflections on the French Revolution. 1790. URL: <http://history.hanover.edu/courses/excerpts/165burke.html> (accessed: 12.11.2013).
 29. Constitution of Pennsylvania. September 28, 1776. URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/pa08.asp (accessed: 12.11.2013).
 30. Constitution of Massachusetts. 1780. URL: <http://www.nhinet.org/ccs/docs/ma-1780.htm> (accessed: 12.11.2013).
-
1. *Pejn T.* Izbrannye sochineniya / pod red. M.P. Baskina. M., 1959.
 2. *Beylin B.* Ideologicheskie istoki Amerikanskoj revolyutsii. M., 2010.
 3. *Franklin B.* The papers of Benjamin Franklin. 21 vols. New Haven, 1960–1976.
 4. Warren-Adams Letters / ed. by W.C. Ford. 2 vols. Boston, 1917–1925.
 5. *Jefferson T.* The writings of Thomas Jefferson. 3-rd ed. 10 vols. N. Y., 1892–1899.
 6. *Richard C.J.* The Founders and the Classics: Greece, Rome and the American Enlightenment. Boston, 1995.
 7. *Winterer C.* Model Empire, Lost City: Ancient Carthage and the Science of Politics in Revolutionary // The William and Mary Quarterly. 2010. V. 67. № 1. P. 3-30.
 8. *Adams J.* The political writings of John Adams / ed. by J.W. Carey. Washington, 2000.
 9. *Colbourn T.* The Lamp of Experience. Indianapolis, 1998.
 10. *Striner R.* Political Newtonianism: The Cosmic Model of Politics in Europe and America // The William and Mary Quarterly. 1995. V. 52. № 4. P. 583-608.
 11. *Adams J.* The Works of John Adams. Boston, 1850–1856.
 12. The Virginia Declaration of Rights. URL: http://www.archives.gov/exhibits/charters/virginia_declaration_of_rights.html (accessed: 12.11.2013).
 13. *Wood G.S.* The Radicalism of the American Revolution. N. Y., 1992. P. 187.
 14. *Main J.T.* Government by the People: The American Revolution and the Democratization of the Legislatures // The William and Mary Quarterly. 1966. V. 23. № 3. P. 391-407.
 15. *Ramsay D.* A Dissertation on the Manner of Acquiring the Character and Privileges of a Citizen of the United States. 1789. URL: <http://ru.scribd.com/doc/36590701/Ramsay-1789-Dissertation-on-Citizenship> (accessed: 12.11.2013).
 16. *Reichley J.* The Life of the Parties: A History of American Political Parties. N. Y., 1992.
 17. *Sogrin V.V.* Politicheskaya istoriya SShA. XVII–XX vv. M., 2001.
 18. *Jefferson T.* The Papers of Thomas Jefferson. 40 vols. Princeton, 2006.
 19. *Trenchard J., Gordon T.* Cato's letters: or, Essays on Liberty, Civil and Religious, and other Important Subjects: in 4 vols. L., 1955.
 20. *Reid J.P.* The Concept of Liberty in the Age of American Revolution. Chicago, 1988.
 21. *Reid J.P.* In Legitimate Strips: The Concept of "Arbitrary", the Supremacy of Parliament, and the Coming of the American Revolution // Hofstra Law Review. 1977. V. 5. № 3. P. 459-499.
 22. American Political Writings during the Founding Era, 1760–1805 / ed. by C.S. Hyneman, D.S. Lutz. 2 vols. Indianapolis, 1983.
 23. *Hamilton A.* The Farmer Refuted, or A More Impartial and Comprehensive View of the Dispute between Great-Britain and the Colonies, Intended as a Further Vindication of the Congress // The Papers of Alexander Hamilton: The Digital Edition. URL: <http://rotunda.upress.virginia.edu/founders/default.xqy?keys=ARHN-print-01-01-02-0057&mode=deref> (accessed: 12.11.2013).
 24. *Montesk'e Sh.-L.* O dukhe zakonov. M., 1999.
 25. Constitution of Virginia. 1776. URL: <http://www.nhinet.org/ccs/docs/ma-1776.htm> (accessed: 12.11.2013).
 26. *Dzhefferson T.* Avtobiografiya. Zametki o shtate Virginiya / sost. i obshch. red. A.A. Fursenko. L., 1990.
 27. *Zagarry R.* The Politics of Size: Representation in the United States, 1776–1850. N. Y., 1987.
 28. *Burke E.* Reflections on the French Revolution. 1790. URL: <http://history.hanover.edu/courses/excerpts/165burke.html> (accessed: 12.11.2013).
 29. Constitution of Pennsylvania. September 28, 1776. URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/pa08.asp (accessed: 12.11.2013).
 30. Constitution of Massachusetts. 1780. URL: <http://www.nhinet.org/ccs/docs/ma-1780.htm> (accessed: 12.11.2013).

Поступила в редакцию 12.12.2013 г.

Aleksandra Nikolayevna NIKOLAYEVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, General History Department, e-mail: alexandra.nik@mail.ru

The representation of the perfect state and the mechanisms of its functioning in the ideology of the patriotic movement in the North American colonies before and during the War of Independence are considered. A special place that was occupied by thinking about the nature of power and its importance in society about the relationship between power and freedom in the American Enlightenment is indicated. It is disclosed that the formation of the state of the Whigs thought was influenced by the assimilation of the historical experience of republics and monarchies in previous eras, discoveries in the natural sciences, has changed the outlook of people of the Enlightenment, and most importantly – the dynamic process of modernization, engulfed in 1775–1783 the socio-political sphere of colonial society. It is concluded that in the view of the founding fathers committed by a state based on the principles of the rule of law, representation and the separation of powers was not only a political but also a moral phenomenon, the ability to restrain the vices and lead humanity to a state of virtue, and the consent of harmony.

Key words: patriotic movement; Whigs; ideology of patriotic movement; state; power; rule of law; representation; separation of powers.